

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-97-112

УДК 94

Антон Крутиков

Большевики и Тартуский мирный договор 1920 г.

Аннотация. Для РСФСР и Эстонии заключение Тартуского мирного договора решало целый комплекс дипломатических, военных и экономических проблем, рассмотрение которых традиционно находится в фокусе внимания историков. Однако мир не стал справедливым актом завершения Гражданской войны и заложил основы современных российско-эстонских противоречий. Войдя в историю как памятник партийных амбиций большевиков и ранней советской дипломатии, договор не просто получил статус важного исторического артефакта. 100 лет спустя Тартуский мир по-прежнему остается инструментом политических манипуляций и предметом спора политиков и дипломатов.

Ключевые слова: РСФСР, Эстония, большевики, Тартуский договор, Гражданская война, дипломатия, международные отношения.

100 лет назад представители Эстонской республики и РСФСР подписали в г. Тарту (Юрьеве) мирный договор, положивший конец Гражданской войне на северо-западе России и ставший первым актом признания новообразованного эстонского государства. Договор не только утвердил суверенитет Эстонии, но и расширил ее границы на восток значительно дальше этнических: ей передавались территории восточнее р. Нарова (Эстонская Ингерманландия) и южнее Псковского озера (Печоры, Изборск). Согласно договору, большевистское правительство России обязалось выплатить Эстонии 15 млн рублей золотом, вернуть культурные и исторические ценности, предоставить концессии, гарантировать многочисленные преимущества в сфере экономических и торговых взаимоотношений. РСФСР «безоговорочно признавала» независимость Эстонии, отказывалась «добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав», принадлежавших ранее России «в отношении к Эстонскому народу и земле в силу существовавшего государственно-правового порядка» [Мирный договор...]. Для обоих правительств договор стал важным актом признания со стороны другого европейского государства.

После провозглашения независимости Эстонии в 1991 г. Тартуский договор оказался предметом спора российских и эстонских политиков, дипломатов, историков. Упоминания о «старой границе» неизбежно влекли за собой рассуждения на тему «аннексии», которые часто звучали со стороны официального Таллина. Полярность эстонских и российских оценок Тартуского мирного договора долгие годы оставалась препятст-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», bialyorz1000@gmail.com.

вием для преодоления пограничных разногласий. Причем суть этих разногласий состоит не только и не столько в эстонских территориальных претензиях как таковых — она тесно связана с концептуальными историческими противоречиями. Помимо событий 1920 г., не менее дискуссионными остаются и обстоятельства, при которых Тартуский договор утратил свою силу два десятилетия спустя. И если для России они не несут дополнительных «политических» смыслов, то для Эстонии историческая память о 1940 г. актуализирована в достаточно сложном и болезненном вопросе правопреемства, неразрывно связанном с пограничной тематикой.

Очевидно, однако, что этот историко-правовой документ интересен не только с точки зрения крайне важного вопроса о российско-эстонской границе. 100 лет назад заключение Тартуского мира определенным образом решало целый комплекс дипломатических, военных и экономических проблем, рассмотрение которых традиционно находится в фокусе внимания историков. Изучение обстоятельств подписания договора позволяет лучше понять как драматические процессы того времени, так и природу современных российско-эстонских противоречий и тем самым облегчить выработку подходов к их разрешению.

«Неслыханная победа над всемирным империализмом»

Многие исследователи Гражданской войны в России склонны рассматривать Тартуский мир как взаимовыгодный союз, заключенный РСФСР и Эстонией с целью ликвидации Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. Позиция Эстонии в данном контексте однозначно оценивается как предательство своих бывших союзников по антибольшевистскому фронту [Цветков, с. 37; Рутыч, с. 103]. Подтверждает данную оценку и анализ положений договора, который предусматривал безусловное разоружение всех воинских частей, не относящихся к вооруженным силам договаривающихся сторон и находящихся на их территории [Мирный договор...]. Однако в действительности заключению Тартуского мира предшествовала целая череда военных и дипломатических усилий, которые далеко не исчерпывались «фактором Юденича».

Союз между эстонским правительством и командованием Северо-Западной армии — факт, хорошо известный как современникам, так и позднейшим историкам. Этот союз возник благодаря настойчивым усилиям британской военной миссии в Эстонии и ее руководителя бригадного генерала Ф. Марча. В августе 1919 г. генерал стал инициатором создания белого правительства Северо-Западной области во главе с С.Г. Лианозовым, объединившего представителей кадетов, правых эсеров и меньшевиков [Цветков, с. 47–48]. 11 августа только что созданное правительство подписало декларацию о безоговорочном признании независимости Эстонии — это являлось обязательным условием для получения британской военной помощи. Генерал Н.Н. Юденич занял в этом правительстве пост военного министра, а его Северо-Западной армии была обещана поддержка эстонских войск в освобождении Петроградской, Псковской и Новгородской губерний, а также Петрограда от «большевистского ига» [Образование северо-западного правительства, с. 302].

Эстонская сторона не была в полной мере удовлетворена этой декларацией и выражала беспокойство по поводу якобы прогерманской ориентации отдельных белогвардейских частей. Так, войска Западной добровольческой армии генерал-майора П.Р. Авалова-Бермондта, формально подчиненные Юденичу, отказались выполнить приказ о соединении с главными силами белых и не приняли участия в осеннем наступлении на Петроград. Авалов-Бермондт критически оценивал союз с Эстонией, особенно после получения известий о контактах эстонской стороны с большевиками в сентябре 1919 г. Расположенные в Латвии части Авалова-Бермондта начали собственную военную авантюру и, вступив в конфликт с латвийским правительством, развернули наступление на Ригу (остановленное силами эстонцев, латышей и британской военной эскадры адмирала Э. Александер-Синклера). Вооруженные столкновения в Латвии и крайне болезненный для эстонцев вопрос о «прогерманской ориентации» сил Авалова-Бермондта сказывались на доверии эстонской стороны к Юденичу и в целом к Белому движению¹.

С развитием собственных военных и политических структур Эстонской республики это недоверие постоянно нарастало и достигло апогея в период успешного наступления белых на Петроград осенью 1919 г. В октябре 1919 г., на фоне стремительного продвижения войск Юденича на восток, падение Петрограда казалось неизбежным и ожидалось в течение нескольких дней². Лидеры Эстонии и Белого движения строили далеко идущие планы, но это не избавило их от взаимных конфликтов.

Крупным скандалом закончилось обсуждение вопроса о том, кому предстоит овладеть Кронштадтом — базой Балтийского флота и ключевым пунктом обороны столицы. По воспоминаниям контр-адмирала В.К. Пилкина, морского министра в Северо-Западном правительстве и соратника Н.Н. Юденича, последний дал согласие на занятие Кронштадта эстонцами. Это вызвало протест адмирала, предположившего, что эстонцы, «да и англичане с ними вместе, уведут наши суда, потопят часть из них, разграбят часть имущества, вывезут продовольствие и материалы, расстреляют не того, кого следует, и т. п.» [Пилкин]. Не доверяя союзникам, Пилкин справедливо полагал, что разрушение и захват русской военно-морской базы на Балтике могут быть использованы для будущего ослабления России. Возмущение адмирала вызвал и тот факт, что занятие Кронштадта могло быть поручено «бывшему лавочнику, адмиралу Питке»; с точки зрения вклада эстонцев в совместную борьбу с красными это выглядело «бессмыслицей» [Там же].

В то же время и эстонские военные не скрывали своего недоверия к белым. По словам упомянутого выше командующего эстонским флотом контр-адмирала Йохана Питки, «если бы силам Северо-Западной белогвардейской армии удалось завладеть

1 Среди современников была распространена точка зрения, считающая П.Р. Авалова-Бермондта орудием германской интриги в Прибалтике, направленной на ослабление позиций Антанты и новообразованных «окраинных» государств.

2 Губернатором еще не взятого Петрограда был назначен генерал-майор П.В. Глазенап. Готовился созыв Учредительного собрания Северо-Западной области и формирование нового правительства.

Петроградом и в ее руках очутился бы флот, то через несколько недель этот флот появился бы под Андреевским флагом под Ревелем, чтобы вновь превратить последний из столицы Эстонской республики в губернский город России» [Корнатовский].

Отсутствие взаимопонимания между союзниками имело для их совместных боевых операций самые трагичные последствия. Эстонские войска не оказали поддержки наступающим войскам белых, не смогли прикрыть их фланги. Эстонцам не удалось захватить форты на южном берегу Финского залива, а овладение Кронштадтом так и осталось недостижимой мечтой. Провал наступления 1-й эстонской дивизии на побережье Финского залива привел к тому, что левый фланг Юденича оказался оголен и открыт для контрудара. В конце октября 1919 г. белые потерпели поражение под Петроградом и с боями отошли к эстонской границе.

Один из организаторов вооруженной борьбы с Советской Россией — Уинстон Черчилль констатировал: «...существовали силы, которые, совместно использованные, легко могли одержать победу. Но они были разъединены [...]. Все предложения образовать единое командование и нанести большевикам совместный удар провалились» [Churchill, p. 256].

Как писал в своем дневнике В.К. Пилкин, тыл белых находился под постоянной угрозой из-за ненадежных эстонских частей. «Вчера эстонцы (1-ый полк) пропустили [...] в тыл к Глазенапу три полка красных [...]. Выслали резерв и прорыв удалось ликвидировать, но можно ли воевать при таких условиях? Не будет ли повторена попытка? Не пропустят ли эстонцы не три, а десять полков?» «Эстонские войска, — отмечал контр-адмирал, — это большевики самые настоящие. Через эстонскую, наполовину большевистскую, армию свободно проходят агитаторы, и вообще кто угодно» [Пилкин].

Находившаяся у эстонской границы, лишенная тыла и путей снабжения Северо-Западная армия белых насчитывала тогда не более 8000 человек, боевой дух ее частей после неудач под Петроградом был крайне невысок [Цветков, с. 37]. Войска не получали вовремя продовольствие и оказались лишены возможности отступить на эстонскую территорию. «Русские полки не пропускаются за проволочное ограждение эстонцами. Люди кучами замерзают в эту ночь», — писал очевидец и участник этих событий А.И. Куприн [Куприн].

Советско-эстонское сближение (с которым еще в сентябре 1919 г. был вынужден считаться уже упомянутый Авалов-Бермондт) действительно началось задолго до боев за Петроград. 31 августа 1919 г. РСФСР направила Эстонии свои мирные предложения, а 11 сентября аналогичные ноты были отправлены правительствам Литвы, Латвии и Финляндии. Переговоры начались 17 сентября 1919 г. в Пскове, однако они были вскоре прерваны под давлением Антанты. Перерыв в переговорах совпал с осенним наступлением Н.Н. Юденича на Петроград, а провал наступления создал в Прибалтике принципиально иную военно-политическую ситуацию, которой обе стороны не замедлили воспользоваться.

К моменту возобновления 4 декабря 1919 г. в Тарту мирных переговоров с большевиками всякая необходимость в «союзнической» белой армии для эстонцев отпала. Солдатам армии Юденича разрешили все же перейти на эстонскую территорию, где они были разоружены и помещены в лагеря для интернированных. Ужасные условия содержания в этих лагерях, расположенных в болотистой местности Вирусского уезда, привели к эпидемиям. По сути, за несколько недель до подписания Тартуского мира с Северо-Западной армией было уже покончено. 22 января 1920 г. генерал Юденич подписал приказ о ликвидации Северо-Западной армии. Спустя шесть дней его, сторонника идеи «единой, великой и неделимой России», арестовали эстонские власти. Освобождение генерала произошло только после вмешательства английской и французской миссий. Впрочем, судьба рядовых соратников Юденича зачастую складывалась куда более трагично.

Окончательная ликвидация угрозы Петрограду со стороны белых и их союзников все же рассматривалась большевиками как неперемненное условие для заключения мира с Эстонией. В.И. Ленин придавал большое значение ликвидации Юденича. «Покончить с Юденичем, — писал он Л.Д. Троцкому 22 октября 1919 г., — нам дьявольски (это слово подчеркнуто. — А.К.) важно» [Ленин, Письмо Л.Д. Троцкому, с. 304]. Троцкий придерживался несколько иной позиции и был не против перенести боевые действия на эстонскую территорию, чтобы «дать урок эстонцам». Поддержка Юденича эстонским правительством, по мнению Троцкого, являлась достаточным основанием для нанесения удара возмездия по эстонской «буржуазии» и преследования войск белогвардейцев «по ту сторону эстляндской границы» [Троцкий, с. 574].

Обсуждение этого вопроса вызвало полемику среди советского руководства, причем оппонентом Троцкого был глава НКВД Г.В. Чичерин, выступавший за дипломатический путь решения «эстонской проблемы». Конфликт разрешился благодаря вмешательству Ленина, поддержавшего позицию НКВД. 27 ноября 1919 г. эстонский премьер Яан Поска известил наркома Чичерина о согласии вступить в переговоры с советской делегацией в Юрьеве (Тарту).

Поражение белых под Петроградом, потерявших теперь всякую надежду на реванш, еще больше сблизило интересы Эстонии и РСФСР. Весьма показательным примером такого сближения является меморандум эстонского правительства Верховному Совету Антанты 16 декабря 1919 г. Он стал ответом на ноту Верховного Совета от 4 декабря 1919 г., полученную из Парижа, в которой Антанта выражала беспокойство по поводу контактов эстонской стороны с Советской Россией.

Упрекая Верховный Совет в том, что он до сих пор не признал Эстонскую республику «*de jure*», эстонское правительство заявило, что еще два месяца назад получило советские мирные предложения, в которых РСФСР обнаружила готовность «признать самостоятельность и автономию Эстонии и отказаться от всяческих наступательных действий против нее» [Меморандум... с. 275]. «Принимая во внимание, — писали эстонские представители, — чрезвычайно тяжелое экономическое положение страны... и страстное желание народа освободиться от тяжелого бремени постоянной войны, Правительство Эстонии не может отклонить это мирное предложение» [Там же].

Северо-Западная армия в меморандуме была представлена едва ли не в качестве главной угрозы эстонскому государству. «Начальники и все командование русской Северо-Западной Армии, — писали авторы меморандума, — не переставали повторять, что они рассчитывают уничтожить самостоятельность Эстонии при первой им представившейся возможности» [Меморандум... с. 271]. Не приводя конкретных фактов, эстонская сторона утверждала: «Командование Северо-Западной Армии назначало на ответственные посты реакционеров, дружественно расположенных по отношению к немцам и провозглашающих по отношению окраинных государств и их народов восстановление Великой России. Эти элементы высказывали глубокую враждебность по отношению Балтийских окраинных государств и в особенности по отношению самостоятельности Эстонии, как государства» [Меморандум... с. 273]. Снимая с себя всякую ответственность за поражение под Петроградом (в октябре 1919 г.), глава эстонского правительства Яан Теннисон и министр иностранных дел Адо Бирк ставили Антанту перед фактом: «Эстонское Правительство издало приказ, по которому все воинские части русской Северо-Западной Армии, дезертирующие с противобольшевистского фронта и спасающиеся на эстонскую территорию, были бы обезоружены. Личный состав разоруженных войск рассматривался, как иностранцы, подчиненные распоряжениям Министерства Внутренних Дел» [Меморандум... с. 274]. Меморандум преследовал две цели: оправдать в глазах Антанты начало мирных переговоров с РСФСР и узаконить ликвидацию главного очага Белого движения на северо-западе России — то, чего с наименьшей настойчивостью добивалась и советская сторона.

К тому времени в ходе советско-эстонских переговоров выяснилось, что согласование советского и эстонского подходов к судьбе «неправительственных войск» не встретит препятствий. 14 декабря 1919 г. части 7-й армии большевиков нанесли окончательное поражение 1-му корпусу Северо-Западной армии; эстонская же сторона активно разоружала переходившие границу части Юденича.

Несмотря на более чем благоприятное для красных положение на фронте, инструкции членам советской делегации А.А. Иоффе и И.Э. Гуковскому, которые они получали от Л.Б. Красина, предписывали делать «все возможное, чтобы мир заключить». Следуя этим указаниям, делегация РСФСР пошла на беспрецедентные уступки, отказавшись от прежней границы по реке Нарова и отдав эстонцам Ивангород, Печоры и Изборск.

К концу декабря 1919 г. сторонам удалось решить принципиально важные вопросы, которые касались перемирия на фронте, новой границы и взаимного признания. 3 января 1920 г. перемирие вступило в силу. 2 февраля 1920 г. в здании гимназии на ул. Vanemuise, 35 в Тарту советские и эстонские дипломаты подписали окончательный текст мирного договора. Документ был практически сразу ратифицирован: Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом — 4 февраля, Эстонским Учредительным собранием — 13 февраля 1920 г.

Статья VII договора обязывала каждую из сторон «воспретить пребывание на своей территории каких либо войск, кроме войск правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена военная

конвенция, но которые не находятся в фактическом состоянии войны с другой из договаривающихся сторон» [Мирный договор]. Эстония и РСФСР обязывались «разоружить не бывшие подчиненными правительствам договаривающихся сторон [...] сухопутные части и морские силы, находящиеся на их территориях» [Там же]. А для ликвидации угрозы со стороны подобных формирований в будущем договор требовал «воспретить солдатам и командному составу неправительственных войск, подлежащих разоружению, [...] вступать под каким либо видом, в том числе и в качестве добровольцев, в правительственные войска договаривающихся сторон» [Там же]. Для наблюдения за выполнением этих условий создавалась российско-эстонская смешанная комиссия.

Не менее важен был пункт 5 статьи VII, который требовал «не допускать образования и пребывания на своей территории каких бы то ни было организаций и групп, претендующих на роль правительства всей территории другой договаривающейся стороны или части ее» [Мирный договор]. Таким образом, не только армия, но и политические структуры Правительства Северо-Западной области были обречены¹.

Согласно пункту 2 статьи III договора, «территория Эстонии восточнее реки Наровы, река Нарова, и острова по реке Нарове, а также вся полоса южнее Псковского озера [...] в военном отношении считаются нейтральными до первого января тысяча девятьсот двадцать второго года» [Там же]. В нейтральной полосе было запрещено размещение войск, кроме необходимых для охраны государственной границы. Таким образом, Тартуский договор предусматривал временную демилитаризацию приграничной полосы, простиравшейся от побережья Финского залива на севере до южного берега Псковского озера.

Ликвидация военной угрозы для Петрограда, роспуск неправительственных войск, появление демилитаризованной зоны вдоль границы и демилитаризация Псковского и Чудского озер стали несомненным крупным тактическим успехом большевиков. Условия договора полностью укладывались в новую логику действий советского руководства, направленную на нормализацию отношений со странами Антанты и прорыв дипломатической блокады РСФСР. По утверждению В.И. Ленина, «мир с Эстляндией — это окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу, это неслыханная победа над всемирным империализмом, знаменующая собою перелом в русской пролетарской революции в сторону сосредоточения всех сил на внутреннем строительстве страны» [Ленин, Сочинения, с. 23].

Видный советский публицист и политический деятель, редактор «Известий ВЦИК» Ю.М. Стеклов в статье, посвященной миру с Эстонией, подчеркивал: «В таких делах важен первый шаг. Теперь задача облегчена, и другие государства, по одному расчету выгоды, обнаружат больше склонности вступить в мирные сношения с Советской республикой». Характерно, что эту статью друг и соратник А.М. Горького и автор первой советской конституции озаглавил с лаконичной откровенностью: «Передышка» [Стеклов].

---

¹ Правительство Северо-Западной области было распущено 5 декабря 1919 г., однако в Ревеле продолжало действовать его дипломатическое представительство.

«Генеральная репетиция соглашений с Антантой»

При внимательном изучении обстоятельств подписания Тартуского договора становится очевидно, что главным архитектором зарождающейся новой системы международных отношений РСФСР был нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. Именно он в сентябре 1919 г. настаивал на заключении мирных договоров с четырьмя прибалтийскими государствами, и именно он в конце 1919 г. сдерживал не в меру «рвавшегося в бой» Л.Д. Троцкого. Единства относительно перспектив продолжения Гражданской войны среди советского руководства не существовало. Вопреки мнению военных, нарком Г.В. Чичерин негативно оценивал последствия возможного выступления против Эстонии: «Это резко изменило бы настроение во всех маленьких государствах, с которыми мы ведем или собираемся вести переговоры, и сорвало бы эти соглашения, так как воскресило бы представление о нашем якобы «империализме». [...] Мы не должны лезть в эту западню» [Жуков, с. 105]. В октябре 1919 г. В.И. Ленин поддержал точку зрения Чичерина, лаконично заметив в письме Л.Д. Троцкому: «По-моему, Чичерин прав» [Там же].

Однако «герой обороны Петрограда» председатель РВС Л.Д. Троцкий пользовался значительным авторитетом. 7 ноября 1919 г. он получил от ВЦИК только что учрежденный орден Красного Знамени за организацию разгрома Юденича. (Позднее г. Гатчина в честь этой победы был даже переименован в Троцк, впрочем, ненадолго.) А накануне, 6 ноября, Политбюро ЦК РКП(б) утвердило инициативу Троцкого: «а) Для себя признать необходимым перейти границу и дать урок эстонцам, оказывающим помощь Юденичу, б) Штабу 7-й армии дать задание преследовать армию Юденича на территории Эстляндии, так как там он имеет свою базу и туда отступает в) Предложить т. Чичерину никаких дипломатических нот по этому вопросу эстляндскому правительству не посылать» [Жуков, с. 105].

Подход, предложенный Л.Д. Троцким, действовал недолго. Уже 14 ноября это решение Политбюро было отменено. Решающую роль в этом сыграла позиция Г.В. Чичерина, поддержанная В.И. Лениным. По мнению главы российского НКВД, для Советской России был необходим выход из внешнеполитической изоляции и нормализация отношений с новыми государствами, возникшими вдоль западных границ РСФСР. Ради этого следовало пойти на любые уступки, в том числе территориальные. Члены советской делегации Адольф Иоффе и Исидор Гуковский получили соответствующие указания Чичерина 18 декабря 1919 г. Вместе с уже имеющимися указаниями Л.Б. Красина они стали главным руководством для советских дипломатов на переговорах.

В итоге уступки большевиков оказались непропорционально велики. Новая граница с Эстонией, установленная Тартуским миром, проходила через территории, признанные советской стороной «спорными». Глава советской делегации в Тарту А.А. Иоффе применительно к той новой политической конфигурации, которая складывалась на западных рубежах страны, ввел даже новый термин: «агрессивная граница».

Однако эти новые рубежи стали компромиссом, на который большевистские лидеры пошли ради выхода из международной изоляции и прорыва торговой блокады. В тек-

сте Тартуского договора вопросам государственной границы была посвящена обширная статья III, имевшая приложение в виде карты. Согласно ей, к Эстонии отходили:

- вновь образованная волость Нарва, включающая территорию на правом берегу реки Нарова — Эстонскую Ингерманландию;
- вновь образованные волости Коже и Скарятино — населенное этническими русскими правобережье Наровы от устья реки Щучка до Чудского озера;
- населенный русскими и сету Печорский край [Печенкин, с. 283].

Договор урегулировал вопросы обмена пленными и возвращения беженцев. Стороны отказывались от какого бы то ни было возмещения военных расходов и устанавливали дипломатические отношения. Согласно статье V договора, в случае «международного признания постоянного нейтралитета Эстонии, Россия со своей стороны обязуется соблюдать этот нейтралитет» [Мирный договор]. Такой нейтралитет был, разумеется, выгоден Советской России, так как сглаживал эффект от приближения эстонских границ к Петрограду.

В качестве дополнительной меры безопасности предусматривалась и возможная нейтрализация Финского залива (статья VI). Это потребовало бы заключения дополнительного договора с участием Финляндии. В этом случае стороны обязывались привести свои военно-морские силы «в состояние, соответствующее требованиям означенного международного соглашения» [Мирный договор]. То есть договор стал приглашением и другим прибалтийским государствам присоединиться к обсуждению вопросов безопасности региона.

Следует заметить, что мирные предложения большевиков были направлены в августе-сентябре 1919 г. не только Эстонии, но и Латвии, Литве и Финляндии. Быстрое заключение с ними мирных договоров позднее трактовалось в советской историографии как первый крупный дипломатический успех РСФСР (из них только Литва не находилась в состоянии войны с Советской Россией).

Для советской стороны было крайне важно прорвать дипломатическую блокаду РСФСР и в этом смысле мир с Эстонией послужил поворотным моментом. Если к 1920 г. единственным государством, установившим дипломатические отношения с РСФСР, был Афганистан (в свою очередь, признанный только Советской Россией), то за Тартуским миром последовала целая серия аналогичных мирных договоров с окраинными, как тогда было принято их называть, государствами. Так, 12 июля 1920 г. в Москве был подписан мирный договор с Литвой (составленный в тех же формулировках, что и договор с Эстонией), 11 августа — Рижский мирный договор с Латвией, а 14 октября 1920 г. в Тарту — мирный договор с Финляндией. 18 марта 1921 г. был заключен Рижский мир с Польшей, завершивший урегулирование отношений с новыми государствами, образованными вдоль западной границы РСФСР.

Большевики достаточно высоко оценивали Тартуский мир, считая его революционным прорывом во взаимоотношениях с западными государствами. Нарком Чичерин, выступая на пленарном заседании ВЦИК 4 февраля 1920 г., так охарактеризовал под-

писанный в Тарту документ: «Наш договор с Эстонией превратился в, так сказать, генеральную репетицию соглашений с Антантой, превратился в первый опыт прорыва блокады и первый эксперимент мирного сожительства с буржуазными государствами» [Чичерин, Статьи и речи... с. 11].

Особое значение придавали советские лидеры реакции на договор со стороны государств Антанты. Никто не скрывал, что благоприятные для Эстонии условия договора были тем сигналом, который предназначался для лагеря бывших противников РСФСР, поддерживавших Эстонию в Гражданской войне.

«Каждое слово, произносившееся в Юрьеве, — утверждал Г.В. Чичерин, — имело свой резонанс на берегах Темзы, и во время этих переговоров мы говорили и о тех концессиях, которые могут быть предоставлены иностранным капиталистам, и о возможностях широкого товарообмена, посылки сырья за границу, доставки машин из-за границы. Все это привело к тому, что Юрьевские переговоры сыграли гораздо большую роль, чем могло казаться на первый взгляд» [Чичерин, Вопросы внешней политики, с. 23].

По мнению главы НКВД РСФСР, «в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым» [Документы... т. 5, с. 58–59].

С не меньшим удовлетворением отзывался о заключении Тартуского договора лидер советского государства В.И. Ленин: «Мы завоевали уже первый мир, показавший превосходство нашей международной политики над политикой объединенных капиталистов всех стран. Эти капиталисты из всех сил мешали заключению мира Эстонии с нами. Мы их победили. Мы заключили мир с Эстонией, — первый мир, за которым последуют другие, открывая нам возможность товарообмена с Европой и Америкой» [Ленин, Коль война, так по военному, с. 123].

Что же касается вопроса о границе, то он, с точки зрения лидеров большевиков, не имел существенного значения: «Советская Россия сделала много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным — русским и эстонским населением. Но мы не хотим проливать кровь рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более, что уступка эта делается не навеки: Эстония переживает период керенщины, рабочие начинают узнавать подлость своих учредительских вождей, [...] они скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир» [Речь тов. Ленина...]. Учитывая хорошо известное отношение Ленина к вопросам формального права, данные высказывания выглядели еще более откровенно.

Правовой нигилизм партийного руководства РСФСР, проявившийся в позиции В.И. Ленина и других большевистских вождей, имел серьезные идеологические обо-

снования, выраженные в доминировании идей «революционной целесообразности» над «законностью». Однако у данного большевистского подхода был и другой аспект. Один из авторов Тартуского договора — член коллегии Рабоче-крестьянской инспекции (Наркомата госконтроля) Исидор Гуковский еще в 1919 г. убеждал своих коллег в ненужности государственных границ, ставших с победой пролетарской революции «пережитком истории». Уступка Эстонии части российской территории в этом контексте вообще ничего не значила, раз эстонский пролетариат (подобно пролетариату российскому) рано или поздно должен был свергнуть собственную буржуазную власть. Осенью 1919 г. разрушительные идеи Гуковского были недалеко от реализации, когда их автор выступил с уникальным требованием: полностью ликвидировать российскую таможенную и пограничную стражу. Данный вопрос в конце 1919 г. 14 раз выносился на заседание Совнаркома, однако, по счастью, не встретил поддержки его членов [Соломон (Исецкий), т. 1, с. 299].

Ревельский коридор

Военные аспекты, связанные с безопасностью Петрограда, и желание выйти из дипломатической изоляции были не единственными мотивами большевиков, побудившими их к заключению Тартуского мира. Не менее важен был вопрос прорыва торговой и экономической блокады РСФСР. Наладить товарообмен с Западом и преодолеть действовавшую во время Гражданской войны блокаду Антанты для советского руководства было жизненно необходимо.

Советская делегация, прибывшая в Тарту 4 декабря 1919 г., была готова пойти на самые широкие уступки эстонской стороне, в том числе финансового и экономического характера. Интересные детали о ведении переговоров раскрывает отчет НКВД РСФСР Съезду Советов за 1919–1920 гг. Эстонская сторона требовала участия в золотом запасе бывшей Российской империи, причем размеры эстонских претензий были весьма значительны: «Для покрытия других претензий Эстонии, — отмечали советские дипломаты, — мы согласились довести сумму [выплат] до 10 миллионов. Наконец мы заявили, что наша последняя уступка — 12 миллионов золотом. Эстонцы же требовали себе 88 миллионов золотом, включая участие в золотом фонде и следующего им, по их мнению, подвижного состава, требуя, кроме того, удовлетворения целого ряда других претензий [...]. 16 января Верховный совет [Антанты] принял решение о снятии с России блокады и о возобновлении с ней торговых отношений. Притязания эстонцев сразу значительно понизились. Наконец когда мы согласились на сумму 15 миллионов рублей золотом, подписание мирного договора стало возможным» [Документы... т. 2, с. 672]. Таким образом, весь январь 1920 г. в Тарту происходил настоящий торг, касающийся экономических условий «сделки».

Полный запрет экономических связей с Советской Россией был установлен Великобританией, Францией и США в октябре 1919 г. Резолюция, принятая Верховным Советом Антанты 16 января 1920 г., позволяла вести торговлю с РСФСР союзным и нейтральным государствам, что означало формальное снятие блокады. Именно поэтому наступившая «оттепель» во взаимоотношениях с Антантой резко убавила эстонские аппетиты,

хотя об окончательном восстановлении торговых отношений с Западом речь еще не шла.

В итоге Россия согласилась выплатить Эстонии 15 млн рублей золотом (11,6 тонн чистого золота). Эстонская республика освобождалась от всех долгов бывшей Российской империи. Эстония получала многочисленные преимущества в сфере экономических взаимоотношений, в том числе лесную концессию в 1 млн десятин. В текст Тартуского договора были включены нормы, позволившие в кратчайший срок установить выгодные для обеих сторон торговые связи. Эти положения были скорее характерны для торгового соглашения, чем для мирного договора: «Товары, провозимые через территорию одной из договаривающихся сторон, не должны облагаться никакими ввозными пошлинами и транзитными налогами. Фрахтовые тарифы на транзитные товары не должны быть выше фрахтовых тарифов за однородные товары местного назначения» [Мирный договор]. Эстония предоставляла России места для погрузки и хранения товаров в Ревеле и в других портах страны, причем сборы за них не могли «превышать сборов, взимаемых с собственных граждан в отношении транзитных товаров» [Там же].

Важность этого «торгового окна» в Европу неоднократно подчеркивается в воспоминаниях торгового представителя РСФСР в Эстонии в 1920 г. Г.А. Соломона (Исецкого): «В мирном договоре с Эстонией пункт о взаимном обмене посланниками не был оговорен, и об этом предстояло договориться особо. Сделано это было для того, чтобы не затягивать мирные переговоры и как можно скорее начать торговые сношения» [Соломон, т. 2, с. 6].

Как показали последующие события, заключение мирного договора с Эстонией облегчило положение Советской России в исключительно трудный для нее период и ускорило развязку Гражданской войны. Во время катастрофы голода 1921–1922 гг., унесшего, по современным оценкам, до 5,2 млн жизней, важнейшим каналом поставок продовольствия в РСФСР стал Ревельский морской порт. Доверенное лицо советского руководства за рубежом, американский бизнесмен Арманд Хаммер вспоминал: «В то время Ревель был одним из перевалочных пунктов в торговле с Россией. Но большая часть поступавших туда из России товаров для обмена на продукты питания представляла собой контрабанду: произведения искусства, бриллианты, платину и бог знает что еще. Все это нелегально отправлялось через границу в обмен на продукты питания. Зимой 1921 года в Ревеле работало отделение Наркомвнешторга, которое закупало за границей товары для отправки в Ревель, оплачивая их золотыми слитками» [Хаммер].

27 октября 1921 г. Наркомат внешней торговли РСФСР по личному указанию В.И. Ленина и принадлежащая А. Хаммеру компания Allied Drug and Chemical Corporation подписали договор о поставке в Советскую Россию 1 млн бушелей американской пшеницы в обмен на пушнину, черную икру и национализированные большевиками ценности из Гохрана. Основной транспортный коридор для этих поставок проходил через Ревельский морской порт. Хаммер, путешествовавший в 1921 г. по Советской России, был поражен объемами товаров, которые советская сторона не могла ранее вывезти из-за блокады: «Во многих местах я видел значительные запасы ценностей: платины

и минералов, уральских изумрудов и полудрагоценных камней, а в Екатеринбурге — забитые мехами склады. Я спрашивал своих спутников, почему они не экспортируют все это и не покупают в обмен зерно. “Это невозможно, — отвечали они. — Только что снята европейская блокада. На продажу этих товаров и закупку продуктов питания уйдет слишком много времени”». Хаммер предложил свой вариант: «У меня есть миллион долларов. Я отправлю вам на миллион долларов зерна в кредит, при условии, что обратным рейсом каждый пароход будет везти нужные нам товары. Согласны?» [Хаммер]. По оценкам современников, компания Хаммера заработала на этой сделке полтора миллиона долларов. Сопровождавший Хаммера в поездке советский дипломат Людвиг Мартенс «настоятельно рекомендовал» В.И. Ленину продолжать такую деятельность и в будущем [Там же].

В начале декабря 1921 г. в Ревель пришел первый пароход с американской пшеницей. Осознавая важность созданного Тартуским миром «Ревельского коридора», В.И. Ленин писал члену коллегии Наркомвнешторга: «...тов. Радченко! Тов. Мартенс прислал мне подписанный Вами договор с американской компанией (Хаммер и Мишелл). Мне кажется, что этот договор имеет громадное значение как начало торговли. Абсолютно необходимо, чтобы Вы обратили сугубое внимание на фактическое выполнение наших обязательств. Я уверен, что без сугубого нажима и надзора ни черта не будет сделано. Примите меры тройной предосторожности и проверки исполнения. Мне сообщите: кого назначаете ответственным исполнителем; какие товары готовите; налегаете ли особенно на артистические и гохрановские и т.д. 2–3 раза в месяц присылайте мне отчеты: что привезено в порт» [Кузнецов, с. 413–414].

Наиболее важной категорией товаров, которые РСФСР вывозила через Ревельский порт в 1920–1922 гг., были национализированные драгоценности Гохрана и золото. Согласно справке Народного комиссариата по внешней торговле РСФСР, к 18 октября 1920 г. в Эстонию было отправлено 105 миллионов рублей золотом, плюс 7 тонн золота в слитках, 10 миллионов рублей драгоценностями. Полпред РСФСР в Ревеле Исидор Гуковский (подписавший Тартуский договор) получил 80 миллионов рублей золотом и драгоценности «на 149 885 франков довоенной оценки» [Иголкин].

Интерес западных банкиров к советскому золоту подогревался значительным дисконтом, с которым оно продавалось в Ревеле, — до 20% [Соломон (Исецкий), т. 2, с. 7]. В условиях запрета любых биржевых операций с советским золотом, установленного Антантой, его продажа, по меткому выражению А. Хаммера, действительно превращалась в контрабанду. Риски этих операций принимали на себя в первую очередь банки и бизнесмены из нейтральных государств. В конце декабря 1920 г. в шведском банке «Nordiska Handelsbanken» находилось 20 тонн советского золота, ожидалось поступление еще 10 тонн. В Швеции золото переплавляли в слитки, на которые ставилось клеймо Шведского монетного двора [Иголкин]. Реализованные от его продажи средства размещались в шведских и германских банках. В 1920–1921 гг. данная схема использовалась для реализации печально известной «паровозной аферы» — сделки по закупке импортных паровозов между шведской компанией Нидквист и Хольм и советским правительством, на которую было потрачено до 240 млн золотых рублей [Там же].

Всего, по оценкам российских исследователей, до середины 1920-х годов «через эстонскую границу большевики вывезли золота на продажу на гигантскую сумму в 451 млн золотых рублей (1 млрд 202 млн 660 тыс. золотых франков)» [Сироткин, с. 113]. Торговые и валютно-обменные операции приносили баснословные прибыли местным банкирам и международным дельцам. При этом в 1920–1921 гг. Эстония оставалась монополистом по продаже советских ценностей и транзиту грузов в Россию.

Значительную долю этих грузов, помимо продовольствия, составляли сельскохозяйственные орудия и машины. По сведениям торгпреда РСФСР Г.А. Соломона, в середине 1920 г. ежедневно из Ревеля в Советскую Россию отправлялись два маршрутных поезда в 40 вагонов каждый. Всего, по данным Наркомата внешней торговли РСФСР, «через Эстонию в Советскую Россию за 1920 г. было доставлено около 4 тыс. вагонов товаров, общим весом 45 тыс. тонн, из которых более половины составляли сельскохозяйственные машины и орудия» [История внешней политики... с. 86]. Эти поставки значительно облегчили экономическое положение советской республики, тем более что до февраля 1920 г. любые закупки за рубежом для РСФСР могли проводиться только нелегально. В условиях экономической разрухи и голода начала 1920-х годов Тартуский мир стал ценой, которую большевики заплатили за выживание советского строя и государства. В конечном итоге это была очень дорогая плата за образование в Эстонии своеобразного *porto franco*, лояльного Советской России, снятие военной угрозы Петрограду и прорыв торговой блокады. В 1921–1922 гг. Тартуский мир косвенно способствовал и сохранению жизней людей в голодающих районах (об эффективности этой помощи исследователи спорят до сих пор), хотя соображения гуманитарного порядка никогда не рассматривались в числе основных при его подписании.

Готовность «сделать все, чтобы мир заключить» (Л.Б. Красин) не только позволила установить новую российско-эстонскую границу. Она означала тактическую передышку в политике экспорта мировой революции, открывала новые направления для торговых связей и новые возможности для советской дипломатии. Тартуский мир стал не только «свидетельством о рождении Эстонской республики», но и одним из первых актов международного признания новой Советской России. Мирный договор помог советскому государству выжить, но он не стал равноправным и справедливым актом окончания Гражданской войны. Недоверие сторон друг к другу сохранялось. Заявления эстонских политиков тех лет и последующие события показали, что «сосуществование двух систем» было труднодостижимым идеалом.

Два десятилетия спустя Эстония исчезла с политической карты, когда в условиях новой геополитической реальности СССР предпринял шаги к радикальному изменению своих западных границ. Тартуский договор утратил свое юридическое и практическое значение, а его подлинник в 1940 г. оказался перевезен в Швецию, где он надолго пережил созданное в годы Гражданской войны эстонское государство. Подлинный экземпляр документа хранился в этой стране на протяжении всей советской эпохи, пережил крушение СССР и в 2002 г. был возвращен эстонским властям. Сегодня, спустя 100 лет после подписания, этот исторический памятник ранней советской дипломатии и партийных амбиций большевиков прочно ассоциируется с проблематикой россий-

ско-эстонских противоречий. Несмотря на статус исторического артефакта, Тартуский договор по-прежнему остается инструментом политических манипуляций, предметом спора политиков, юристов и дипломатов.

Литература

Горн В. Гражданская война на северо-западе России. Берлин. 1923.

Григонис Э.П. Исторические судьбы территорий, присоединенных к Российской империи по Ништадскому миру 1721 г. и в результате разделов Речи Посполитой: Сборник избранных статей. СПб. 2014. С. 173–181.

Документы внешней политики СССР. В 24 томах. Т. 2. М. 1958.

Документы внешней политики СССР. В 24 томах. Т. 5. М. 1961.

Жуков Ю.А. Первое поражение Сталина. М. 2011.

Иголкин А.А. Ленинский нарком: У истоков советской коррупции. // Новый исторический вестник. № 1(10) 2004. — URL: nivistnik.ru/2004_1 (дата обращения: 11.05.2020).

Из секретного доклада о причинах неудачи борьбы с большевиками на северо-западном фронте. // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Том I. Берлин 1921. С. 143–169.

История внешней политики СССР 1917–1980 гг. В двух томах. Т. 1 (1917–1945 гг.) М. 1980.

Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М. 2004. — URL: militera.lib.ru/h/kornatovsky_na/index.html

Кузнецов В.В. По следам царского золота. М. 2003.

Куприн А.И. Купол св. Исаакия Далматовского. М. 2017. — URL: dk1868.ru/history/Kuprin.htm (дата обращения: 11.05.2020).

Ленин В.И. Коль война, так по военному. // Полное Собрание Сочинений. Т. 40. Декабрь 1919 — апрель 1920. М. 1974. С. 123–124.

Ленин В.И. Письмо Л.Д. Троцкому 22 октября 1919 г. // Ленин В.И. Известные документы. 1891–1922. М. 2000. С. 304.

Ленин В.И. Сочинения. Под ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, И.И. Скворцова-Степанова. Т. XXV. М. 1935.

Межевич Н.М. Российско-Эстонская граница: История формирования и современное значение для развития Северо-Запада России // Псковский регионологический журнал. № 4. 2007. С. 134–145.

Меморандум Эстонского Правительства Верховному Совету. // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Том III. Берлин 1921. С. 271–275.

МИД РФ: Тартуский мирный договор является недействительным и принадлежит истории. — URL: m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=88805717 (дата обращения: 11.05.2020).

Мирный договор между Россией и Эстонией. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. 1 января 1919 г. — 30 июня 1920 г. М. 1958. — URL: militera.lib.ru/docs/da/dvp/02/index.htm (дата обращения: 11.05.2020).

Образование северо-западного правительства. // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Том I. Берлин 1921. С. 295–305.

Печенкин С.В. «Имперское наследство» и борьба руководства СССР за его возвращение в 30–40-е годы XX века. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. N. 3 (10). 2012. С. 283–290.

- Пилкин В.К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М. 2005. — URL: militera.lib.ru/db/pilkin_vk/08.html (дата обращения: 11.05.2020).
- Посольство России в Эстонии / Russian Embassy in Estonia. Facebook. — URL: m.facebook.com/RusEmbEst/photos/a.1993721084231394/2534743740129123/?type=3&theater (дата обращения: 11.05.2020).
- Президент Кальюлайд на 100-летней годовщине Тартуского мира: Тартуский мирный договор был, есть и всегда будет оставаться свидетельством о рождении Эстонского государства // Официальный сайт президента Эстонии. 02.02.2020. — URL: president.ee/ru/mediae/press-releases/15795-100/index.html (дата обращения: 11.05.2020).
- Рабинович С.* История гражданской войны. М. 1935.
- Речь тов. Ленина на широкой рабоче-красноармейской конференции Пресненского района // Правда. 1920. 28 января.
- Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М. 2002.
- Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. М. 1999.
- Соломон (Исецкий) Г.А.* Среди красных вождей. Личные воспоминания о пережитом и виденном на советской службе. Т. 1–2. Париж. 1930.
- Стеклов Ю.* Передышка // Известия ВЦИК. 1920. 31 января.
- Троцкий Л.Д.* Советская республика и капиталистический мир. Ч. 2: Гражданская война. М. —Л. 1926.
- Фельштинский Ю.Г.* Лев Троцкий. Большевик. 1917–1923. М. 2012. — URL: royallib.com/book/felshhtinskiy_yuriy/lev_trotskyi_bolshevik_19171923.html (дата обращения: 11.05.2020).
- Хаммер А.* Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М. 1988. — URL: litmir.me/br/?b=574201&p=21
- Цветков В.Ж.* Николай Николаевич Юденич. // Вопросы истории. 2002. №9. С. 37–59.
- Чичерин Г. В.* Вопросы внешней политики. Саратов. 1920.
- Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1961.
- Churchill W.S.* The World Crisis 1918–1925. Vol. 5. London. 1927.
- Friis J.* Through Latvia and Estonia to Russia. // Soviet Russia. Official Organ of the Russian Soviet Government Bureau. Vol. III. August 14, 1920. P. 165.
- Henn Põlluaas. Facebook, 19.11.2019. — URL: m.facebook.com/polluaashenn/ (date of access: 11.05.2020).
- Spiiker Põlluaas: opositsioon ei pea olema tsirkusetrupp // err.ee. 07.01.2020. — URL: rr.ee/1021046/spiiker-polluaas-opositsioon-ei-peat-olema-tsirkusetrupp (date of access: 11.05.2020).
- Tarvel E.* Eesti rahva lugu. Tallinn. 2018.